

ВНЕШНИЙ КОНТУР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. В. Манойло

ИНТЕРЕСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В АФГАНИСТАНЕ

***Аннотация.** В статье представлен анализ зависимости внешней политики США в Афганистане от двух ключевых факторов: национальных интересов и универсальных ценностей. Показано, что конфликт интересов и ценностей в политике США в Афганистане стал причиной ее недостаточной стабильности, взвешенности и способности адекватно отвечать на новые вызовы и угрозы.*

Внешняя политика США в отношении других стран в течение длительного времени строилась в соответствии с двумя доминирующими идеологическими концепциями: политического реализма и политического либерализма. Обе концепции, поддерживая и развивая идею о глобальной исторической миссии Соединенных Штатов, призванных стать центром управления ресурсами всего демократического мира, тем не менее, заметно расходятся в выборе политической траектории движения США к указанной цели, а также в выборе конкретных средств, методов и инструментов, необходимых для ее достижения.

***Ключевые слова:** политология, политика, США, национальная безопасность, Афганистан, Пакистан, интересы, ценности, международные отношения, конфликт.*

Внешняя политика США в отношении других стран в течение длительного времени строилась в соответствии с двумя доминирующими идеологическими концепциями: политического реализма и политического либерализма. Обе концепции, поддерживая и развивая идею о глобальной исторической миссии Соединенных Штатов, призванных стать центром управления ресурсами всего демократического мира, тем не менее, заметно расходятся в выборе политической траектории движения США к указанной цели, а также в выборе конкретных средств, методов и инструментов, необходимых для ее достижения.

Основные различия школ политического реализма и либерализма (включая их новейшие модификации и течения) кроются в представлениях о том, какие же именно факторы определяют внешнюю политику государства на ее базовом, фундаментальном уровне. Если реалисты рассматривают все происходящее сквозь призму национальных интересов, совпадение которых порождает сотрудничество, а пересечение или столкновение – конфликты, то либералы в основу внешней политики любого государства ставят ценности, утверждая,

что стойкость и жизнеспособность политической системы напрямую зависит от убедительности ее системы ценностей, а политическое влияние – от способности нести (экспортировать) эти ценности в окружающий мир. В этом плане для либералов внешняя политика представляется инструментом для распространения этих ценностей на других акторов международных отношений, а несовпадение ценностей различных акторов – истинной причиной возникновения международных конфликтов.

Как указывает П.А. Цыганков, одна из наиболее привлекательных черт теории политического реализма – это стремление обосновать мысль о том, что в основе международной политики лежат объективные и неизменные законы политического поведения, корни которых следует искать в самой человеческой природе. Центральное понятие политического реализма – «интерес, определенный в терминах власти» – связывает существование законов международных отношений с потребностями в безопасности, процветании и развитии, которые и должно защищать государство в своей внешнеполитической деятельности. Политические реалисты настаивают на том, что в современном мире одной

из главных особенностей международной политики является постоянное стремление наций-государств к сохранению благоприятного для них статус-кво на мировой арене или же к его изменению в свою пользу. В свою очередь, это приводит к особой конфигурации международных отношений, называемой балансом сил и, соответственно, к политике, направленной на поддержание этого баланса.¹

Политический реализм скептически относится к возможностям регулирования международного сообщества на основе правовых норм или нравственных ценностей: главная функция международной морали состоит в ее использовании в качестве силового инструмента против потенциальных и реальных противников².

С точки зрения либералов, сегодня возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей неуклонно снижаются. Сила становится все менее применяемой и менее принудительной³, национальные интересы утрачивают свое значение в мировой политике. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе ограниченное число возможностей для оказания эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения⁴. Главными регуляторами международных отношений выступают универсальные нравственные нормы или ценности, которые институализируются в правовые императивы и стано-

вятся основой для формирования соответствующих международных институтов⁵.

Тот факт, что приверженцами идеологии политического реализма являются, в основном, представители республиканской партии, а носителями идей политического либерализма – в основном, демократы, ведет к тому, что в Соединенных Штатах при частой смене партий, пребывающих у власти, также часто меняется и содержание внешней политики: политический курс США, направленный на защиту национальных интересов, неожиданно забывает о них и начинает заниматься распространением универсальных ценностей, экспортом демократии, построением глобального общества на базе демократических принципов англосаксонской цивилизации и т.д. В результате таких резких и неожиданных (в первую очередь, для потенциальных союзников и партнеров США) поворотов внешняя политика США не только теряет свою привлекательность, но и формирует впечатление о собственной неустойчивости, переменчивости и склонности к спонтанным, иррациональным поступкам. Эта изменчивость внешней политики США уже стала причиной ее общей неэффективности в различных регионах мира, где американцы имели отличные шансы прочно и надолго закрепиться, но так и не смогли это сделать. Именно такая картина сложилась с присутствием США в Центральной Азии: пока американцы выбирали между «интересами» и «ценностями», кардинально меняя политический курс каждые три-четыре года, отказываясь и снова возвращаясь к уже проторенным схемам, их практически со всех занятых позиций вытеснил медленно наступающий на регион Китай.

В этом отношении политика США в Афганистане является ярким примером их общей непоследовательности и неразберихи, связанной с постоянными колебаниями в выборе между «национальными интересами» и «универсальными ценностями», между рациональным, прагматичным подходом к проблеме Афганистана, основанном на эксплуатации его стратегических ресурсов, и иррационально-идеалистическим подходом, стремящимся создать в Афганистане очередное демократическое общество.

¹ Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М., 1994.; Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.

² Schwarzenberger G. Power Politics. A Study of World Society. Third Edition. London, 1964, pp. 216-221. В Кн.: Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М., 1994.

³ Цыганков П.А. Хедли Булл и вторая «большая дискуссия» в науке о международных отношениях // Социально-политический журнал, 1997, №3.

⁴ Shaw, M. Global Society and International Relations. Polity Press. 1994, pp.17-20; Constantin F. Les relations internationales: entre tradition et post-modernité? Le Trimestre du monde, 3-e trimestre 1994, pp.66-67; Brown C. Idea of World Community. In Ken Booth and Steve Smith (eds.). International Relations Theory Today. 1995, pp.7-11. В Кн.: Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М., 1994.

⁵ Lebow R.N. The long peace, the end of the cold war, and the failure of realism. International Organization. Volume 48, №2, Spring 1944, p.254. В Кн.: Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М., 1994.

Вторжение американских войск в Афганистан началось на фоне событий 11 сентября, поставивших перед американским обществом новую глобальную задачу – борьбы с международным терроризмом. В этом плане уничтожение террористической организации Аль-Каида, на которую США возложили ответственность за террористические акты, стало для народа Соединенных Штатов новым национальным интересом: впервые угрозу безопасности великой сверхдержаве составил не военно-политический блок других государств (как это было при Советском Союзе), а международная сетевая террористическая организация.

То, что одной из опорных баз этой организации было принято считать Афганистан, в котором эта организация зародилась (при прямом участии ЦРУ, использовавшего боевую группу Бен Ладена для диверсионной и подрывной деятельности против советских войск), стало поводом для привязки весьма подвижных террористов, все время ускользающих от надзора американской внешней разведки, к конкретному географическому району – Афганистану. Точнее, к тому его району, который после ряда поражений правящего Северного альянса перешел под контроль движения Талибан. Так оказалось проще для всех: для американцев международная террористическая угроза обрела реальные очертания, генералы получили точное целеуказание – где бомбить, вчерашние «студенты»-талибы неожиданно получили статус авторитетного исламистского движения, что было для них полной неожиданностью, а мировое сообщество – весьма понятное объяснение очередного военного вторжения в регион, лежащий на максимально возможном удалении от государственных границ США. Попутно Аль-Кайда получила прописку в Ираке и ряде других стран, входящих в сферу национальных интересов США.

Вторжение в Афганистан на начальных этапах объяснялось исключительно национальными интересами США, важнейшим из которых является государственная безопасность. Целью последовавшей за терактами 11 сентября военной операции стало уничтожение международных террористов в «их логове» - на базах Аль-Кайды в Афганистане и недопущение новых нападений террористов на США со своих баз; ни о какой сверхзадаче построения демократического государства речи в принципе не шло. Этот набор целей и задач, определивший стратегию США в Афганистане на ранних стадиях вторжения

(2001-2002 гг.), полностью отвечал концепции защиты национальных интересов, являющейся стержнем американской школы политического реализма.

В силу своей реалистичности и прагматического характера, большинство из этих целей были достигнуты уже к концу 2002 года. С вмешательством США в конфликт в Афганистане наступление талибов на Северный альянс было остановлено; в последовавшем за этим контрнаступлении основные военные силы талибов были частично рассеяны, частично уничтожены. К концу 2002 года уже ни о каком организованном военном сопротивлении со стороны талибов речи вообще вестись не могло; столь резкий переход от победоносного наступления к поспешному уходу практически со всех захваченных территорий привел высшее руководство движения Талибан в состояние глубокого замешательства, сменившегося состоянием прострации. Новое афганское правительство в Кабуле и его американские союзники праздновали победу.

Вместе с тем, затишье оказалось временным: вопреки сложившемуся мнению, талибы не потерпели военного поражение в 2001-2002 годах, а просто отказались вести борьбу на условиях американцев, вернувшись к партизанской и диверсионной войне. Их руководство верно оценило оперативную ситуацию и перестроило систему управления войсками: так, талибам хватило мудрости отказаться от обороны некоторых провинций, где они были обречены на поражение, - таких как провинция Гельмент, и уйти в труднодоступные (для разведки США и НАТО) районы, сделав их опорой для своих баз. При этом талибы, уверенные в своей силе и в своем конечном успехе, оказались не склонны вступать в переговоры с США и их союзниками, исключив тем самым возможность подкупа и «перевербовки» их полевых командиров, как это произошло с лидерами суннитского сопротивления в Ираке. Тем не менее, террористические атаки на США с территории Афганистана прекратились, что можно считать главным показателем военного успеха операции. В борьбу же с талибскими партизанами включились военные контингенты союзников США по НАТО, на которых и легло основное бремя ответственности за поддержание мира в Афганистане (выражавшееся в людских и материальных потерях).

С точки зрения политики «агрессивного реализма», проводимой кабинетом Дж. Буша, миссию в Афганистане к концу 2002 года можно было считать полностью выполненной: основные силы и опорные

базы Аль-Кайды в Афганистане были уничтожены, попутно он был в определенной мере очищен и от талибов. То есть, национальные интересы США в Афганистане были полностью защищены. Тем не менее, военная операция США в Афганистане не только не сворачивается, а приобретает неожиданный поворот: миссия США в Афганистане отходит от основного направления – уничтожении баз Аль-Кайды – и переходит к преобразованию афганского общества, построению в нем свободного демократического государства, которое способно само себя защитить. На передний план выходит задача экспорта демократии и распространения в афганском обществе «универсальных ценностей», что является характерной чертой политического либерализма. В соответствии с этими новыми приоритетами, курс внешней политики США в Афганистане разворачивается на 180 градусов.

Предположительно, переход к ценностной ориентации во внешней политике США в Афганистане произошел потому, что в связи с быстрыми и впечатляющими военными успехами (разгромом Талибана, занявшим всего три месяца) и уничтожением основных опорных баз Аль-Кайды на территории Афганистана Вашингтону потребовались новые оправдания своего присутствия на территории суверенного государства. Прежние основания уже не выглядели убедительными: Талибан был отброшен (многие считали – разгромлен), Аль-Кайде был нанесен серьезный удар, от которого ей будет трудно оправиться. Необходимости иностранного военного присутствия в стране – нет. Однако, США решили в Афганистане задержаться. Причиной тому стало, безусловно, его важное стратегическое положение: с военных баз на территории Афганистана можно контролировать весь регион, угрожать Ирану и оказывать давление на Китай и Индию. Это, вероятно, и оказалось основной причиной смены политической риторики США в отношении Афганистана: было официально заявлено, что миссия в Афганистане будет завершена только тогда, когда в стране будет сформировано полноценное демократическое общество, в котором победят и укрепятся универсальные демократические ценности. В этом плане цель собственно военной операции не исчерпывается разгромом талибов, а должна заключаться в создании пространства для формирования государства и нации, которые будут способны защитить себя сами. Таким образом, «ценности» в американской политике в очередной раз победили «интересы».

Впрочем, есть еще одно вполне правдоподобное объяснение причин затянувшегося пребывания США в Афганистане. С точки зрения неолибералов, успех в экспорте демократии и распространении универсальных ценностей напрямую зависит от того, сохранится ли военное присутствие США в Афганистане: ведь Афганистан, согласно классике американской геополитики МакКиндеру, это Хартленд, «сердце земли», а владеющий Хартлендом, как известно, владеет миром. Вот почему война в Афганистане для либералов представляет совсем иной смысл, нежели для реалистов: для последних это всего лишь военная операция, цель которой – защитить национальные интересы, уничтожив Аль-Кайду; для либералов овладение Афганистаном – ключевой элемент их стратегии по распространению демократических ценностей и формированию новой модели мироустройства. Уйти из Афганистана для реалистов – закономерный и ожидаемый шаг, связанный с достижением всех поставленных в этом регионе военных целей. Для либералов же это – крах всех их геополитической концепции, отказ от планов построения монополярного мира.

Конфликт «интересов» и «ценностей» в американской политике в Афганистане стал причиной того, что американские политики и военные разбились на два лагеря: сторонников приоритета «интересов», которые временно были вынуждены отойти в тень, и сторонников приоритета «универсальных демократических ценностей». Среди них особо следует выделить бывшего командующего Международных сил по содействию безопасности в Афганистане (ИСАФ) Д. Пэтреус, «перемещенный» после ликвидации Бен Ладена на пост директора ЦРУ. Он считал, что США смогут добиться своего в Афганистане только с помощью создания в Кабуле сильного правительства, которое смогло бы контролировать армию полицию защищать режим и навязать свою волю племенам. При этом роль США ограничивается военным «зонтиком», под которым молодая афганская демократия и должна созреть.

Свой первый президентский срок демократ Б. Обама начал с повторения той же риторики, в основе которой лежат «универсальные ценности» и задачи их распространения: он заявил, что США обязательно уйдут из Афганистана, но произойдет это не раньше, чем в Афганистане сформируется настоящее демократическое общество, со всеми соответствующими демократическими института-

ми, способное само себя защитить. При этом для ускорения этой миссии он добился от Конгресса разрешения на отправку в Афганистан дополнительных воинских континентов – из состава 101-й воздушно-десантной дивизии и некоторых других подразделений армии США. Однако, в результате обострения обстановки вокруг Ирана официальный Вашингтон был вынужден вернуться к реальной оценке своих интересов в Афганистане, к риторике «агрессивного реализма», от которой он прежде отказался. В новой системе координат, в которую вошел Иран, экспорт демократии вновь уступил место национальным интересам и необходимости их защищать. Внешняя политика США в Афганистане вновь стала сугубо прагматичной: сконцентрировав все свои усилия на удержании военных баз, которые необходимы для будущей войны с Ираном, американцы фактически отказались от активной борьбы с Талибаном, в результате чего талибы вновь контролируют большую часть страны и даже совершают налеты на Кабул. По-видимому, приближение начала военной операции против Ирана стало для политики США в Афганистане новой поворотной точкой, в очередной раз сменившей акценты с «ценностей» на «интересы». И для этого есть свое логическое объяснение.

Если предположить, что главной целью вторжения США в Афганистан была не Аль-Кайда, а будущая военная операция против Ирана, то Афганистан интересует американцев только с точки зрения размещения на его территории военных баз. В этом

случае все остальное (экспорт демократии, борьба с международным терроризмом и т.д.) является не более чем прикрытием, легендой, разработанной для мирового сообщества. Однако, содержать на этих базах крупную ударную группировку в течение длительного времени очень дорого; экономический кризис, который недавно пережила Америка, также требует подвести черту под расходами на Афганистан. В этом плане американцы вынуждены либо ускорить проведение военной операции против Ирана (в которой группировка в Афганистане обязательно будет задействована), либо начать также быстро выводить свои войска из Афганистана. В этом плане американцы весьма удачно подстраховались, объявив о выводе вооруженных сил США и НАТО из Афганистана к 2014 году и, тем самым, прикрыв себе тыл: очевидно, что к этому моменту либо произойдет нападение США на Иран, либо Вашингтон надолго откажется от этой затеи. Если война с Ираном – вопрос решенный, то в политике США в Афганистане окончательный верх возьмет прагматизм и новый – «агрессивный» - реализм. Если же войны с Ираном не будет, то американцы постараются побыстрее и без потерь выйти целыми из региона, продолжая поддерживать – в основном морально и идеологически – дружественный «демократический» режим Хамида Карзая, опираясь при этом на общие с «народом Афганистана» «универсальные демократические ценности», то есть, сохраняя либеральную направленность своего внешнеполитического курса в отношении Афганистана.

Библиография

1. Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М., 1994.; Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.
2. Schwarzenberger G. Power Politics. A Study of World Society. Third Edition. London, 1964, pp. 216-221. В Кн.: Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М., 1994.
3. Цыганков П.А. Хедли Булл и вторая “большая дискуссия” в науке о международных отношениях // Социально-политический журнал, 1997, №3.
4. Shaw, M. Global Society and International Relations. Polity Press. 1994, pp.17-20;
5. Constantin F. Les relations internationales: entre tradition et post-modernité? Le Trimestre du monde, 3-e trimestre 1994, pp.66-67;
6. Brown C. Idea of World Community. In Ken Booth and Steve Smith (eds.). International Relations Theory Today. 1995, pp.7-11.
7. Lebow R.N. The long peace, the end of the cold war, and the failure of realism. International Organization. Volume 48, №2, Spring 1994, p.254.

References (transliteration)

1. Tsygankov P.A. Politicheskaya sotsiologiya mezhdunarodnykh otnosheniy. – M., 1994.; Tsygankov P.A. Mezhdunarodnye otnosheniya. – M., 1996.
2. Schwarzenberger G. Power Politics. A Study of World Society. Third Edition. London, 1964, pp. 216-221. V Kn.: Tsygankov P.A. Politicheskaya sotsiologiya mezhdunarodnykh otnosheniy. – M., 1994.
3. Tsygankov P.A. Khedli Bull i vtoraya “bol’shaya diskussiya” v nauke o mezhdunarodnykh otnosheniyakh // Sotsial’no-politicheskiy zhurnal, 1997, №3.
4. Shaw, M. Global Society and International Relations. Polity Press. 1994, pp.17-20;
5. Constantin F. Les relations internationales: entre tradition et post-modernity? Le Trimestre du monde, 3-e trimestre 1994, pp.66-67;
6. Brown C. Idea of World Community. In Ken Booth and Steve Smith (eds.). Internatinal Relations Theory Today. 1995, pp.7-11.
7. Lebow R.N. The long peace, the end of the cold war, and the failure of realism. International Organization. Volume 48, №2, Spring 1994, p.254.